

Шломо Вебер¹,
Виктор Гинзбург²

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

Если ты говоришь с человеком на языке,
который он понимает, — обращаешься к разуму.
Если ты говоришь с человеком на его родном языке —
обращаешься к сердцу.

Приписывается Н. Манделе

Моя родина — это мой родной язык.

Фернандо Пессоа, португальский писатель

Я слишком стар, чтоб мне ласкаться к няньке;
Я слишком зрел, чтоб стать учеником.
Что приговор твой как не смерть немая?
Речь отнята у языка родная.

(пер. А. И. Куршовой)

Горе сорокалетнего Моубрея настолько велико, что вскоре после приезда в Венецию он умирает.

Кенийский писатель Нгуги ва Тхионго, почетный профессор английского языка и сравнительного литературоведения Университета штата Калифорния, объясняет в своей книге «Освобождение от колониального мышления» (1986), почему язык — это неотъемлемая составляющая культуры и самоидентификации: «Самое страшное оружие, которым ежедневно и беспредельно пользуется империализм в борьбе с самосознанием народа, — это уничтожение культуры. В результате люди утрачивают веру в свои имена, в свой язык, в свою культурную среду, в то наследие, за которое они боролись, в свою общность, в свои возможности и в конце концов в самих себя... Они начинают идентифицировать себя с тем, что им абсолютно чуждо, например с чужим языком, забывая свой родной. Африканские страны, которые были колониями и остаются неоколониями, теперь различаются (и сами себя определяют) в соответствии с определенным европейским языком: англоговорящие, франкоговорящие, португалоговорящие африканские страны».

Вскоре после этого заявления Нгуги ва Тхионго перестал писать по-английски. Пьесы, романы и короткие рассказы он теперь пишет на кикуйю и суахили — тех языках, на которых говорят в его родной Кении.

Языки

Люди далеко не безразличны к тем языкам, на которых они говорят. И их весьма беспокоит, когда у них отнимают это право. Убедительный пример такого отношения встречается в пьесе гениального Уильяма Шекспира «Ричард II». Томас Моубрей, изгнанный королем Ричардом в Венецию, жалеет не о потере земель, богатства или положения в обществе. Больше всего его огорчает невозможность говорить на родном языке, находясь в изгнании.

Суровый приговор, мой государь <...>
Я заслужил из рук державных ваших.
Ту речь, которой сорок лет учился, —
Родную речь, — оставить должен я.
Мне с этих пор от языка нет пользы <...>

¹ Профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США). Автор более 100 научных публикаций по экономике и политологии, экономической теории, экономике общественного сектора, политической экономике, в т. ч. монографии «Economics of Linguistic Diversity». Руководил кафедрой экономики и Центром экономических исследований им. Джонсона в Южном методистском университете (1994–2004), являлся академическим директором-организатором Международной экономической школы (Тбилиси, Грузия, 2007–2008).

² Профессор экономики Европейского центра перспективных экономических исследований при Брюссельском свободном университете, заведующий кафедрой французского языка Льежского университета (Бельгия). Автор 185 научных публикаций, в т. ч.: «Сколько языков нам нужно: экономика лингвистического разнообразия» (в соавт.), «Структура прикладных моделей общего равновесия» (в соавт.), «Справочник по экономике искусства и культуры» (в соавт.), «Экономика и языки» (в соавт.), «Мнение и награда эксперта: свидетельства музыкальной конкуренции» (в соавт.), «Отсутствие покупателей на торгах и аномалия понижения цен», «Принцип минимальной дифференциации продукции в условиях значительной гетерогенности» (в соавт.) и др.

Но подобные печальные размышления и сетования типичны для жителей всех континентов, будь то Северная или Латинская Америка, Австралия, Азия. Даже Европа переходит на единый язык, так называемый «ломаный английский».

История Томаса Моубрея и трагедия уничтожения языкового разнообразия в Африке — звенья одной цепи. Дэвид Лейтин, американский ученый-политолог из Стэнфордского университета, назвал африканский континент «основной жертвой гнева Божия, ниспосланного на тех, кто строил Вавилонскую башню» (1994). Другим примером является затяжная война в Шри-Ланке, основной причиной которой стала языковая политика сингалезского большинства. В постколониальный период они значительно ограничили права тамильского меньшинства на использование родного языка. Языковая политика зачастую была направлена на изоляцию отдельных групп людей, чьи культурные, общественные и исторические ценности и верования тем самым оказывались под угрозой. Такая ситуация, когда права на использование языка ущемлены или игнорируются, получила название «языковое отчуждение».

Почему человек так трепетно относится к родному языку? Что заставляет современных лингвистов, таких, например, как француз Клод Ажеж, заявлять, что «языки — это знамена побежденных» или «борьба за французский язык — это борьба за разум»? Почему политолог Генри Бреттон говорит: «Очевидно, что страх лишиться коммуникативных привычек поднимает политические страсти на новый уровень»?

Мысль о том, что язык — нечто большее, чем просто средство общения, была впервые высказана в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом (1836). Позднее она была поддержана и развита антропологом Францем Боасом (1940), лингвистами Эдвардом Сепиром (1949) и Бенджаминем Уорфом (1956). Мысль эта оформилась в так называемой гипотезе Сепира–Уорфа: язык и культура тесно взаимосвязаны, и структура языка, используемого в качестве родного, влияет на особенности мышления и поведение человека. Из этой же гипотезы следует предположение, высказанное в 1998 году К. Крамш. Несмотря на возможность перевода с одного языка на другой, «всегда непереуведенным будет оставаться некий не поддающийся измерению, но непереуводимый дух культуры, связанный с лингвистическими особенностями того или иного языка».

Языковое разнообразие и экономика

Большинство стран мира многоязычны (исключения составляют Северная Корея и Исландия). Действительно, альманах «Этнолог» за 2009 год фиксирует 6909 живых языков, на которых сегодня говорят в мире. Учитывая тот факт, что количество общностей, включающих нации, государственности и другие образования, составляет 271, вопрос языкового разнообразия актуален практически всюду. Необходимо также отметить, что, хотя большинство языков из почти 7 тыс. используется в отдаленных, изолированных от мира языковых коллективах, языковая неоднородность присуща не только странам третьего мира. Примером может служить Западная Европа, где вопреки сложив-

шейся традиции мононациональных государств большинство стран являются многоязычными. В Европе существует множество отдельных региональных языков, таких как валлийский в Великобритании, каталанский, баскский, галисийский в Испании, провансальский, бретонский и окситанский во Франции, фризский в Нидерландах. Особенно многоязычна Африка, например в Папуа Новой Гвинее 857 живых языков.

Чрезвычайно важной и насущной задачей является сохранение лингвистического разнообразия и уважение к культурному наследию всех членов общества. Однако, разрабатывая политику и принимая конкретные решения по сохранению разнообразия, необходимо учитывать два немаловажных фактора.

Разнообразие всегда обходится недешево. Поддержание высокого уровня разнородности общества требует существенных денежных затрат, это дорогостоящее мероприятие, так как необходимо создать образовательную среду, наладить взаимодействие и координацию между отдельными группами. Эти расходы, так же как и трудности, возникающие в процессе взаимодействия, негативно влияют на общество, становятся тяжелым бременем, затрудняющим работу различных организаций. Стоимость поддержания разнообразия в обществе не поддается точной оценке, тем не менее это существенные суммы и их нельзя игнорировать. Как пишет экономист из Гарвардского университета Мартин Витцман (1992): «Зачастую мы сталкиваемся со скрытым запретом на сохранение разнообразия. Разнообразие ценно для общества, но деньги оказываются важнее. К понятию “разнообразие” применимы законы экономики. Невозможно сохранить все, ибо это слишком дорого. Ресурсы наши ограничены, сохранение разнообразия зачастую возможно лишь за счет сокращения расходов на другие сферы жизни, что ухудшает благосостояние людей и приводит к утрате разнообразия где-то в другом месте системы».

Как бы не переборщить? Многие из нас не могут есть пищу без соли. Однако, увеличивая количество соли, мы рискуем сделать прежде безвкусную еду вовсе несъедобной. Количество соли должно быть оптимально, не много и не мало. А сколько ложек сахара мы кладем в чай или кофе по утрам? Кто-то вообще не кладет сахара, а русские любят положить в чай три-четыре ложки сахара и пить его, не вынимая ложку из чашки, а постоянно помешивая получившийся напиток. Опять же, оптимальное количество — между полным отсутствием сахара в чае и четырьмя ложками, и его надо найти. Некоторые любители искусства не любят черные картины, считая их скучными, однако, добавив в картину слишком много красок, мы не обязательно сделаем ее более привлекательной. Именно оптимальное количество соли разнообразит еду, делая ее более вкусной, оптимальное количество сахара делает приятным кофе, оптимальное количество цвета делает картину приятной глазу. Исследования неоднородных обществ показывают, что существует предел разнородности, гарантирующий устойчивое и стабильное состояние. Если перейти эту грань, то общество перестанет развиваться, потому что невозможно будет выработать такую политику, которая устраивала бы большинство

населения. В таком случае под угрозу ставятся сами основы существования общества. Соблазн осчастливить всех или сделать всех послушными очень велик, однако же развал таких империй, как Римская, Османская, Монгольская или империя Александра Македонского, — наглядный пример неспособности правителей удержать разнородные и зачастую удаленные части государства под одним началом. Можно также вспомнить СССР или Китай (ситуация с Тибетом). Расширение Европейского Союза за счет вступления в него Украины и Турции вызывает много сомнений, ясно одно — Евросоюз станет более разнородным, и искать компромиссные решения его членам станет еще труднее.

Недавние исследования в области экономики свидетельствуют о повышении интереса экономистов к влиянию языкового разнообразия на экономические проблемы, будь то гражданские войны или распределение доходов, инвестирование в производство товаров или экономический рост. Мауро (1995) указывает, что «этнолингвистическая раздробленность отрицательно сказывается на эффективности работы государственных учреждений, политической стабильности и коррупции». Алесина, Бакир и Истерли (1999) пишут, что в США обособленные общины убыточны экономически и мало тратят на образование. Аннетт (2001) заявляет, что этнолингвистическое дробление приводит к необходимости расширения государственного аппарата, что замедляет экономический рост. Десмет, Ортуно-Ортин и Вебер (2009) наглядно показывают, что излишняя раздробленность снижает уровень вторичного распределения благ и «солидарности» внутри страны. Истерли и Левин (1997) подробно описывают ситуацию в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, сложившуюся в период с 1960 по 1990 год. Они называют те разрушительные последствия, которые принесли с собой экономический рост, образование, политическая стабильность и согласие по основным вопросам жизнеустройства, «трагедией Африки».

Стандартизация

Проблемы, связанные с лингвистическим разнообразием, привели многие общества к разобщению и соответственно к необходимости введения некоего стандарта. Понятие стандартизации взято из знаменитой теории рационализации Макса Вебера, изложенной в виде эссе в 1914 году и переведенной на английский язык в 1968 году. Стандартизация на государственном уровне предполагает единую валюту, единую судебную систему и единый язык, на котором осуществляется управление.

Способы введения единых стандартов отличаются в разных странах и в разные исторические эпохи. Самой страшной и кровавой оказалась политика так называемых «этнических чисток», которая, к сожалению, нередко использовалась. Менее радикальный и гораздо более щадящий способ стандартизации — введение единого языка повсеместно или введение языка межнационального общения наряду с родным языком. В дополнение к этой мере власти могут отменить образование на тех языках, которые они не одобряют. Например,

в 1539 году, когда король Франции Франциск I объявил о введении единого французского языка на всей территории страны, этот язык был родным только для 3 млн человек. Население Франции составляло тогда 28 млн, и почти все провинции были двуязычными. В 1972 году президент Франции Жорж Помпиду заявил, что «Франция избавилась от региональных языков, так как ей предстоит сыграть главную роль в Европе». В 1975 году был принят закон, предписывающий использовать французский язык при ведении торговли, в средствах массовой информации, в общественных местах. Согласно закону Тубона от 1994 года французский язык стал обязательным при общении с покупателями, устройстве на работу, проведении во Франции различных конгрессов, а также в системе образования. Однако необходимо отметить, что во Франции до сих пор существует семь языков, число носителей которых превышает полмиллиона человек. Это эльзасский, баскский, бретонский, итальянский, португальский, алжирский диалект арабского и берберский.

Другим примером может служить русификация территорий Российской империи. Подавив восстания поляков и литовцев в 1860-х годах и всерьез обеспокоившись возрастающим влиянием католической церкви и угрозой полонизации, правительство России объявило русский язык единственным государственным языком. Польский и литовский языки потеряли свою значимость, они были запрещены сначала в государственных учреждениях, затем в школах и общественных местах. Михаил Муравьев, генерал-губернатор Литвы, заявлял, что «то, что не удалось русскому оружию, сделает русская школа». Всем предписывалось изучать русский язык, без знания которого преуспеть в жизни стало невозможно.

Стандартизация языка в Китае, предпринятая после революции 1911 года, была проведена по такой же схеме. Национальным языком был объявлен разговорный вариант китайского языка, основанный на мандаринском наречии. Через несколько лет стандартным произношением был признан вариант, принятый в Пекине. Затем последовала реформа 1958 года, предпринятая китайским правительством с целью упростить письменный вариант китайского языка и ввести «общепотребительный язык» — путунхуа. Однако подобная реформа, проведенная в Сингапуре с целью заставить местное языковое сообщество принять мандаринский диалект в качестве основного языка, не возымела должного эффекта. Согласно данным переписи населения 2002 года лишь 45 % китайских семей в Сингапуре используют мандаринский диалект китайского языка в бытовом общении, остальные же говорят на различных диалектах китайского и на английском. Этот интересный факт отмечен в исследовании Спольски (2004).

Попытка ввести единый государственный язык в Шри-Ланке (бывший Цейлон) привела к катастрофическим последствиям. Это яркий пример того, насколько болезненна тема выбора национального языка и к каким опасным последствиям может привести такой выбор. На Цейлоне в течение двух тысяч лет мирно сосуществовали две основные этнические и языковые общины: сингальское большинство, в основном

исповедующее буддизм, и тамильское меньшинство, большей частью исповедующее индуизм. При общей численности населения 21 млн человек они составляли 74 и 18 % соответственно. Остров получил независимость в 1948 году, после того как закончилось британское правление, продолжавшееся 250 лет. В северных районах, где жили преимущественно тамилы, сложилась превосходная система преподавания английского языка, что позволило тамильскому меньшинству занять намного больше мест как в сфере высшего образования, так и в государственном секторе. Подобные успехи образованных тамиллов, а также желание получить больше благ от государства привели к тому, что многие сингалыцы начали поддерживать движение «Sinhala Only» («только сингалский язык»). Это движение возглавляют буддистские монахи, которые утверждают, что не только сингалский язык, но и буддизм подвергается опасности, если подобная ситуация «паритета» между сингалским и тамильским языком сохранится. Высокоразвитая культура и богатая литературная традиция тамиллов также вызывает у сингалцев страх оказаться на вторых ролях. В 1956 году был принят закон о статусе сингалского языка как единственного государственного, который лидеры тамиллов расценили как своего рода апартеид. Массовые акции протеста переросли в полномасштабную войну, унесшую за 26 лет десятки тысяч человеческих жизней.

Стандартизация языка не всегда заключается во введении единого языка, иногда она лишь ограничивает число языков, используемых в государственном секторе, судебной или образовательной системе. Примером такой языковой политики может служить так называемая формула трех языков, принятая в Индии примерно 50 лет назад. Ее целью было сбалансировать вопросы управления, экономического благосостояния, национального самосознания в стране, где проживает огромное число языковых общин. Инициаторами введения «формулы трех языков» на национальном уровне стали южные штаты Индии. В этих штатах проживают в основном тамилы, которые не говорят на хинди. Использование хинди в качестве основного языка государственных учреждений ущемляет их права, так как им приходится изучать и английский язык, и язык хинди, в то время как те, для кого хинди является родным, изучают только английский. «Формула трех языков» используется во всех штатах Индии с небольшими вариациями. Согласно этой формуле дети в штатах, где основным языком является хинди, изучают три языка: хинди, английский и еще один из южных диалектов, а дети в штатах, где хинди не является родным, изучают хинди, английский и свой родной язык. «Формула трех языков» представляет собой пример продуманного и взвешенного подхода к вопросам национальной идентичности, сохранения родных языков (посредством высокого уровня преподавания местных языков), национальной гордости и единства нации (посредством повсеместного преподавания хинди), эффективности государственных учреждений и технологического прогресса (посредством усвоения английского языка). Однако результаты введения этой формулы не вполне оправдались. Недостаточное финансирование,

нехватка учителей, слабая поддержка со стороны местных властей, нежелание учащихся и их семей изучать языки, на которых говорят в других регионах, не позволили достичь ожидаемых успехов. В регионах, говорящих на хинди, изучению английского языка не уделялось достаточно внимания, не говоря уже про третий язык. В тех штатах, где проживают тамилы, изучаются английский и тамильский, а хинди практически игнорируется.

«Формула трех языков» была принята и в Нигерии, наиболее густонаселенной стране Африки. На территории Нигерии проживает 141 млн человек, они говорят на 527 языках и составляют 250 этнических групп. Как и во многих других африканских странах, английский язык признан в Нигерии государственным, это язык учреждений и школ. «Формула трех языков» включает в себя язык хауса (север страны — 18,5 млн носителей), язык игбо (юго-восток страны — 18 млн носителей) и язык йоруба (юго-запад — 19 млн носителей). Эта формула разрабатывалась как средство объединения этой очень разрозненной страны, однако, как и в Индии, ее применение было осложнено отсутствием квалифицированных учителей и сопротивлением языковых коллективов, не желавших изучать язык другой этнической группы.

Языковая стандартизация неизбежно ограничивает использование тех языков, которые не включены в перечень официальных языков, но это не самое страшное. Ограничивается доступ к информации, а те группы людей, чьи культурные, общественные и исторические ценности и убеждения не представлены на официальных языках, оказываются в изоляции. Создается ситуация языкового отчуждения (см. Гинзбург и Вебер, 2011).

Выводы

Стандартизация вызывает языковое отчуждение. Как сбалансировать последствия стандартизации и отчуждения? Сохранить единство разнородного общества — непростая задача. Англо-американский поэт У. Х. Оден заметил: «Цивилизации нужно оценивать по тому, какой уровень разнообразия достигнут и какой уровень единообразия остался». На стене храма Хигаши Хонганьи в Киото, древней столице Японии, можно увидеть две фразы: «Жить вместе в разнообразии. Учиться принимать различия». Это очень сложная задача, а вместе с тем это обязательное условие достижения успеха для любого общества. Глобализация будет продолжаться, основным языком глобализации останется английский язык, однако сохранение и поддержание «малых» языков и культур остается в центре внимания во многих странах мира. Любые вопросы и решения, связанные с языком, всегда вызывают эмоциональный отклик. Идентификация по языковому принципу — важный аспект, обуславливающий участие различных групп в экономической деятельности. Общество, нацеленное на устойчивое развитие и продвижение вперед, не может «оставлять за бортом» часть населения, ведь это не только несправедливо, но и неоправданно в экономическом плане. Холодный экономический расчет требует мобилизации всех ресурсов

для того, чтобы достичь успеха в мире, где так высока конкуренция.

Литература

1. *Alesina A.* Political jurisdictions in heterogeneous communities / A. Alesina, R. Baqir, C. Hoxby // *Journal of Political Economy*. — 2004. — № 112. — P. 349–396.
2. *Annett A.* Social fractionalization, political instability, and the size of the government / A. Annett // *IMF Staff Papers*. — 2001. — № 46 (3). — P. 561–592.
3. *Boas F.* *Race, Language and Culture* / F. Boas. — Chicago, IL : University of Chicago Press, 1940.
4. *Bretton H.* *Political Science, Language, and Politics* // *Language and Politics* / W. M. O'Barr, J. F. O'Barr (eds.). — The Hague : Mouton, 1976.
5. *Desmet K.* Linguistic diversity and redistribution / K. Desmet, I. Ortuno-Ort'in, S. Weber // *Journal of the European Economic Association*. — 2009. — № 7. — P. 1291–1318.
6. *Ethnologue.* *Languages of the World* / ed. by M. P. Lewis. — Dallas, TX : SIL International, 2009.
7. *Easterly W.* Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions, *Quarterly* / W. Easterly, R. Levine // *Journal of Economics*. — 1997. — № 112. — P. 1203–1250.
8. *Ginsburgh V.* *How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity* / V. Ginsburgh, S. Weber. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2011.
9. *Hagege C.* *Le souffle de la langue* / C. Hagege. — P. : Odile Jacob, 2000.
10. *Humboldt W. von.* *The Diversity of Human Language-Structure and its Influence on the Mental Development of Mankind* / W. von Humboldt. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1988 [1836].
11. *Kramsch C.* *Language and Culture* / C. Kramsch. — Oxford : Oxford University Press, 1998.
12. *Laitin D.* The Tower of Babel as a coordination game: political linguistics in Ghana / D. Laitin // *American Political Science Review*. — 1994. — № 88. — P. 622–634.
13. *Thiong'o Ngugi wa.* *Decolonizing the Mind. The Politics of Language in African Literature* / Ngugi wa Thiong'o. — Oxford : James Currey, 1986.
14. *Sapir E.* *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality* / E. Sapir. — Berkeley, CA : University of California Press, 1949.
15. *Spolsky B.* *Language Policy* / B. Spolsky. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
16. *Weber M.* *Economy and Society* / M. Weber. — Berkeley, CA : University of California Press, 1968.
17. *Weitzman M.* On diversity / M. Weitzman // *Quarterly Journal of Economics*. — 1992. — № 7. — P. 363–405.
18. *Whorf B.* *Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* / B. Whorf. — Cambridge, MA : MIT Press, 1956.